

Артём Сивоконь

Пепел
и
Вера

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Артём Сивоконь

Пепел и Вера

«Автор»

2026

Сивоконь А. С.

Пепел и Вера / А. С. Сивоконь — «Автор», 2026

Он пережил резню, в которой погибла вся его деревня. Его вытащили из-под тела матери, залитого кровью. Шестнадцать лет он учился убивать. Теперь Матвей — лучший охотник на нечисть, его цепь с кинжалами не знает промаха. Но враг, с которым он столкнулся, не лезет в открытый бой. Смертомор — древний хаос, заточённый богами. Он не рубит сплеча. Он шепчет. Он переманивает. Он заражает орден изнутри, превращая бывших братьев в тени с чёрными глазами. Чтобы выжить, Матвею придётся принять дар, о котором он не просил. Найти союзников там, где их быть не может. И понять главное: иногда, чтобы победить тьму, нужно сначала не дать тьме победить тебя.

© Сивоконь А. С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	13
Глава 5	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Артём Сивоконь

Пепел и Вера

Глава 1

ПРОЛОГ: «Меня не рождали. Я был всегда.» «До того, как первый свет расколол тьму. До того, как первый крик нарушил тишину. До того, как боги осмелились назвать себя богами.» Я — хаос. Первородный. Безымянный. Когда миры были единым бушующим океаном сил, я был этим океаном. Жизнь и смерть, магия и плоть, дух и материя — всё смешивалось во мне. Не было ни дня, ни ночи, ни покоя, ни тверди под ногами. Время текло вспять и вперёд одновременно. Это был я. Но Великие Силы осознали: чтобы творение обрело форму, нужны пределы. Нужен закон. Нужно разделить несоединимое. Они украли часть меня. Они собрали осколки угасших звёзд и слёзы первозданной тьмы, смешали их с моим дыханием и выковали Сердца-Обереги. Артефакты, которые стали точками кристаллизации реальности. Они впустили в себя меня и, пропустив сквозь свою совершенную структуру, излучали наружу стройный поток сил — ровный, предсказуемый, безопасный. Мой хаос они превратили в порядок. Явь, Навь и Правь обрели свои берега. А я... я оказался по ту сторону. Но ни один горн не идеален. В момент, когда раскалённое сердце последнего Оберега касалось ткани мироздания, случилось то, чего они не предвидели. Часть меня — та, что была темнее ночи и хитрее змеи — не была преобразована. Я выскользнул. Не весь. Не целиком. Но достаточно, чтобы помнить. Достаточно, чтобы ждать. Достаточно, чтобы учиться. Я не имел формы. Лишь бесконечный, холодный голод. И я укрылся в самых тёмных, забытых уголках мира. Я изучал новый порядок вещей. Постигал законы магии, силу слов и слабости душ. Я учился внушать. Сначала — шёпотом в сон. Потом — мыслям в голове. Потом — самой воле. Я находил тех, кто был слаб духом, охвачен страстью, ослеплён обидой. Я не приказывал. Я предлагал. Я показывал путь к силе, к мести, к бессмертию. И с каждым последователем, с каждой пролитой по моей наущению каплей крови, я рос. Я учился принимать формы — сперва тени, затем лика, затем плоти. Теперь я почти готов. Я помню, кто заточил меня. Я помню Сердца-Обереги — ключи от моей темницы. Я знаю, что, разрушив их, я не просто выйду на свободу. Я стану новым законом. Единственной волей, перед которой склонится всё сущее. Меня называют по-разному. Шёпот. Навьцом. Безликим. Те, кто боится, придумывают мне имена, чтобы сделать меня меньше, чем я есть. Но моё истинное имя известно лишь мне. Смертомор. И эта история — не о героях, которые победят. Эта история о том, как я учился их ломать. Потому что первый из них... — здесь голос становится тише, почти задумчивым — уже идёт. ГЛАВА 1. ВОСХОЖДЕНИЕ ТЬМЫ Деревня у Серебряного озера всегда стояла особняком. Не потому, что люди здесь были злыми или дикими. Просто так сложилось — отгороженные от больших трактов топями и молодым сосняком, они жили своей тихой, замкнутой жизнью. Всех здесь знали по именам. Помогали, кто чем мог. Зимой, когда озеро сковывал тонкий, прозрачный лёд, оно серебрилось в свете луны так, что казалось — земля отражает небо. Оттуда и название. В ту зиму лёд был особенно красивым. И особенно хрупким. Луна стояла высоко, когда твари пришли. Они не выли. Не рычали. Они скользили из чёрных провалов между сосен бесшумно, как стая, почуявшая кровь. Их было много. Слишком много для такой маленькой деревни. Первым закричал старый Кузьма — он вышел на крыльцо по нужде и увидел их в упрям. Крик оборвался вместе с его жизнью. Тварь сбила его с ног, вцепилась в горло и рванула так, что голова отделилась от плеч и покати-лась по крыльцу, оставляя за собой тёмный, липкий след. Дальше начался ад. Кровь текла из каждой избы. Мужиков рвали на части прямо на порогах — кто успел схватиться за топор, кто нет. Один из них, Фрол, успел ударить. Топор вошёл твари в плечо, но она даже не дрог-

нула. Лапа с когтями, похожими на обломки кос, вошла ему в живот по самое запястье. Потом — вверх. Фрол упал на колени, пытаясь удержать кишки, которые вываливались наружу тёплым, скользким комом. Женщин вспарывали у печей, пока те закрывали собой детей. Ульяну тварь ударила в спину так, что она упала лицом в пол, а её кровь брызнула на стену. Она ещё пыталась ползти к люльке, оставляя за собой кровавую полосу. Не доползла. Потом наступила тишина. Охотники опоздали. Они пришли, когда деревня уже догорала. Когда запах горелого дерева смешался с запахом свежей крови и того, что когда-то было людьми. Чёрный пепел кружился в воздухе, оседая на снег, и снег этот больше не был белым. Старший охотник, мужчина с лицом, исполосованным шрамами, остановился на въезде. Молча смотрел на то, что осталось от деревни. Его пальцы сжимали рукоять топора так, что побелели костяшки. — Прочёсываем, — сказал он глухо. — Живых не будет. Но проверить надо. Они нашли его в крайней избе у самого леса. Изба была знахарской — запах сушёных корней, пучки трав под потолком, тёмные пятна на стенах, где когда-то висели обереги. Печь была ещё тёплой. У её основания, заваленный опрокинутым столом и чьим-то телом, притаился мальчик. Тело принадлежало женщине. Её спина была разодрана от лопаток до поясницы. Она лежала лицом к печи, раскинув руки, будто пыталась загородить собой кого-то. Под ней, в луже крови и грязи, сидел он. Мальчик был весь в крови. Чужой и своей. Лицо — бледное, в саже и красных потеках. Глаза широко открытые, но без того животного ужаса, который охотники привыкли видеть на лицах выживших. Взгляд был чистым. Прозрачным, как тот самый лёд на озере. И этим он был страшнее любого крика. — Один? — спросил молодой охотник, не решаясь приблизиться. — Один, — ответил старший. Он подошёл к мальчику, присел на корточки. Тот не отшатнулся. Не заплакал. Просто смотрел. В его глазах не было просьбы. Не было страха. Только тихое, ледяное понимание того, что мир только что перестал быть прежним. — Как звать? — спросил старший. Мальчик молчал. Секунду. Две. Потом губы дрогнули. — Матвей. — Пойдёшь с нами? Мальчик протянул руку. Грязную, в засохшей крови, с обломанными ногтями, с чёрной каймой под ними. Охотник взял её. — Мы научим тебя бить эту нечисть. Мы дадим тебе веру в отпущение. Матвей не ответил. Но его пальцы сжались в его ладони с такой силой, будто он боялся, что его оставят. Они не оставили. --- Уходя из деревни, старший охотник оглянулся. Озеро серебрилось в лунном свете, спокойное и равнодушное. Лёд не треснул. А мальчик шёл, не оглядываясь. В ДАЛИ, В ЛЕСАХ, ПРИТАИЛАСЬ ТЕНЬ. Она не имела формы. Не имела лица. Она была сгустком тьмы, более чёрной, чем ночь вокруг. И она смотрела. Сквозь деревья. Сквозь расстояние. Сквозь время, которое ещё не наступило. Её взгляд скользнул по догорающим избам, по телам, которые никто не придёт хоронить, по кровавому следу, уходящему в чащу. И остановился на маленькой фигурке, бредущей между двумя охотниками. Мальчик. Грязный. Кровавый. Живой. Тень дрогнула. Из её глубины вырвался звук — не вздох, не стон, а нечто среднее. Шелест сухой листвы, смешанный с шипением умирающего угля. Голос. Древний. Бесконечно усталый. — Он выжил в этом пекле. Пауза. Тень сжалась, будто в раздумье. — Он станет сильнее. Ещё одна пауза. Длиннее. Тяжелее. — Я долго учился. Постигал вашу природу. Вашу боль. Вашу надежду. — Голос стал тише, почти задумчивым. — Но так и не понимаю. Как вы, недолговечные, хрупкие, как лёд на этом озере как вы продолжаете идти вперёд? Тень ждала ответа. Но лес молчал. Луна молчала. Мальчик уходил всё дальше. — Я пойму, — прошептала Тень. — Я разберу вас на части. Я изучу каждую вашу слезу, каждый крик, каждую молитву. И тогда Она не закончила. Растворилась в черноте между сосен, оставив после себя лишь холод и обещание. Лёд на озере не треснул. Ни тогда. Ни потом. Но Тень запомнила лицо мальчика.

Глава 2

ГЛАВА 2. ТЫ ТЕНЬ ТОЙ ТРАГЕДИИ

Спустя шестнадцать зим.

Мальчика, которого охотники вытащили из кровавой избы у Серебряного озера, больше не было.

Был мужчина.

Матвей.

Острые, широкие скулы резали лицо, как грани старого утёса. Глубокий взгляд голубых глаз смотрел из-под насупленных бровей — не злой, нет. Пустой. Тот, кто прошёл через ад, не носит злость на лице. Он носит тишину.

Длинные, выющиеся волосы цвета воронова крыла были заправлены назад, открывая высокий лоб с тонкой ниткой старого шрама — первой платы за выживание. Тёмные пряди падали на плечи, но никогда не лезли в глаза. Привычка. Выучка.

Всё его тело говорило об одном: он воин.

Доспех

На нём был кожаный доспех насыщенного коричневого цвета — потертый, со следами сотен ударов, которые он принял и отбил. Кожа прошла особую обработку: жёсткая, но гибкая, старая, но надёжная.

Поверх — стальные пластины с патиной. Тёмный, почти чёрный металл тускло блестел в свете факелов. Грудь прикрывал наборной нагрудник из перекрывающихся полос, склёпанных заклёпками с руническими узорами. Плечи защищали крупные металлические диски — не мешали движению, но держали удар секиры.

Рукава — толстая кожа, усиленная стальными накладками вдоль предплечий. Перчатки с пластинами на костяшках. Широкий пояс с массивной пряжкой стягивал талию, а ниже — юбка из металлических полос прикрывала бёдра.

Заклёпки и крепления были стилизованы под старинные руны. Не магия — память. Каждая заклёпка могла рассказать о битве, в которой побывал её хозяин.

Доспех не блестел. Не сверкал. Он был настоящим — поношенным, рубленным, с чёрными потёками в углублениях, где когда-то засыхала чужая кровь.

Такой не носят парадные герои. Такой куётся в боях и оплачивается шрамами.

Оружие и стиль

Он учился всему. Копьё, меч, топор, секира — брал в руки любое оружие, и оно становилось продолжением его воли.

Но любимым стала цепь-кинжал.

Пять клинков, соединённых гибкой, но прочной стальной вязью. На одном конце — тяжёлое шило, на другом — зазубренный крюк. Раскрученная, она превращалась в смертельный круг, который нельзя было преодолеть. Противник оставался на средней дистанции — слишком далеко для удара мечом, слишком близко, чтобы увернуться от летящего лезвия.

Матвей разработал свой стиль.

Он вплёл в него ярость — ту самую, что копилась шестнадцать лет за ледяной стеной внутри. Силу — сухую, жилистую, не бросающуюся в глаза, но ломающую рёбра с одного удара. Ловкость — цепь плясала вокруг него, как живая, подчиняясь едва заметным движениям запястий.

Старшие охотники смотрели на его тренировки и молчали.

— Тень той трагедии, — сказал однажды старый наставник. — Тьма породила его, чтобы он стал её погибелью. Или её частью.

Матвей не слышал этих слов. Или делал вид.

Он знал только одно: каждая ночь для него — война. Каждая тварь, убитая им, приближает его к цели.

Отмщение.

Не за деревню. Не за мать, чьё холодное, тяжёлое тело он помнил до сих пор — оно придавило его к печи, спасло, заслонило собой от тьмы.

За себя. За того мальчика с чистыми глазами, который умер в ту ночь, пока этот мужчина учился убивать.

Он останется. Пока последняя тварь не сдохнет.

Пока в мире не останется ни одного выродка, способного выть на луну у чужого порога.

Только тогда Матвей позволит себе выдохнуть.

Крик воеводы разрезал тренировочную площадку, как раскалённый нож — масло.

— Матвей!

Гул голосов стих. Тренировочные схватки замерли. Все взгляды устремились на старого воина с лицом, исполосованным шрамами. Того самого, кто когда-то вытащил мальчика из кровавой избы у Серебряного озера.

— Там, на гарнизонах, в Дальняке, укрывается тьма, — голос воеводы был глухим, как удар булатной стали о мёрзлую землю. — Отправляйся!

Матвей не стал спрашивать «почему я». Не стал уточнять детали.

Он ловким, отточенным движением скрутил цепь-кинжал в тугую спираль. Лезвия легли на локоть, шило щёлкнуло о пряжку пояса, фиксируя оружие в походном положении. Весь жест занял не больше секунды.

— Отправляюсь, — бросил он, разворачиваясь.

И поспешил собираться. Торопливо, но без суеты. Каждая вещь знала своё место. Каждая пряжка была проверена ещё вчера. Охотник, который собирается в путь долго — мёртвый охотник.

В дороге он не сводил взгляда с Дальняка.

Чёрная точка на горизонте росла медленно — слишком медленно. Будто сама тьма не хотела его приближать. Ветер дул с той стороны, и Матвей ловил его ноздрями. Пахло гарью. Металлом. И ещё чем-то сладковато-приторным — запахом, который он знал слишком хорошо.

Смерть.

Не та, что приходит в старости у постели. Та, что приходит из тёмных углов, на четырёх лапах, с когтями и клыками, воняющая гнилью и болотом.

Матвей стиснул зубы и ускорил шаг.

Цепь на поясе тихо позвякивала в такт его ходьбе. Кинжалы ждали.

Глава 3

ГЛАВА 3. ТЬМА ВО МНЕ

Дальняк встретил его тишиной.

Не той, когда всё живое затаилось перед бурей. А той, когда живого не осталось вовсе. Ворота гарнизона были распахнуты настежь — створки висели на одной петле, почерневшие, будто их лизало открытое пламя. Запах ударил в лицо за десять шагов.

Матвей знал этот запах. Медь. Гниль. Сладкая горечь разложения.

Он вошёл внутрь, и цепь на поясе тихо звякнула — предвкушая.

Следить оказалось нетрудно.

Слишком нетрудно.

Кровь была везде. На снегу — чёрными пятнами, на стенах — размашистыми потеками, на створках ворот — отпечатками ладоней тех, кто пытался уползти, зажать рану, позвать на помощь. Не позвали. Не уползли.

«Слишком много крови для одного», — подумал Матвей, опускаясь на корточки. — «И слишком мало тел».

Он провёл пальцем по тёмной луже. Застыла. Значит, прошло несколько часов. Не больше. Он ещё мог успеть.

Части тел. Вот то, что осталось от караульного у ворот — только плечи и обрывок плаща, зацепившийся за косяк. Всё остальное — где-то дальше, по дороге вглубь гарнизона. Тварь не жрала на месте. Она тащила добычу за собой.

«Умная», — отметил Матвей. — «Или голодная. Или и то, и другое».

Он поднялся, оглядываясь.

Ни одного следа борьбы. Мечи так и остались в ножнах у тех, кто упал первыми. Арбалеты — не взведены. Кто-то даже не проснулся — лежал в своей постели, разрезанный от горла до паха, с закрытыми глазами и спокойным лицом.

«Тихая», — внутренний голос Матвея работал холодно, без эмоций, разбирая картину по костям. — «Бесшумная. Нападала из темноты, пока они спали. Первыми убила часовых — поэтому никто не поднял тревогу».

Он нашёл того, кто пытался защищаться. Тело мужчины лежало у колодца, прижатое к срубам. Меч выбит из руки и отброшен на три шага. Грудная клетка вмята внутрь — так, будто по ней ударили бревном.

«Сильная. Очень. Один удар — и всё. Никакой возни».

Матвей присел над телом, всматриваясь в раны. Не когти. Не зубы. Удар тупым предметом — огромным, тяжёлым, с плоской поверхностью. Но вокруг — ни дубины, ни бревна, ни обломка стены.

«Ладонь», — понял он. — «Ударил ладонью. Размером с голову взрослого мужика. Может, больше».

Следы на снегу вели к амбару. Широкие, глубокие, между ними — почти три шага. Тварь была огромной. Неуклюжей? Нет. Следы ровные, не сбивчивые. Она шла спокойно, уверенно, зная, что никто не сможет ей помешать.

«Ростом выше человека минимум вдвое. Руки длинные — до колен, а то и ниже. Идёт на двух ногах, но может встать на четвереньки — следы рядом с амбаром стали мельче, шире. Лесная. Из хвойных чащоб, не из болот. От неё пахнет...»

Матвей принюхался, и горло сжалось.

Мхом. Старой, гнилой древесиной. И кровью — свежей, ещё тёплой, смешанной с чем-то кислым, желудочным.

«Людоед», — закончил он. — «Из тех, кто живёт в глухих лесах. Кто не боится человека, потому что никогда не видел в нём угрозы. Только добычу».

Он снял цепь с пояса, бесшумно раскручивая кинжалы. Лезвия легли на предплечье, спрятанные под плащом. Шило на конце цепи волочило по снегу — Матвей подобрал его, зажав в кулаке.

— «Выходи», — мысленно позвал он тьму, что пряталась в амбаре. — «Я не спешу. И ты не спеши. Будет больно — но быстро. Обещаю».

Тишина в ответ не дрогнула.

Но Матвей знал — она слышит.

Дверь амбара сорвало с петель ударом изнутри.

То, что вышло наружу, не было человеком. Никогда не было.

Огромное. Под два с половиной метра ростом, с широкими, покатыми плечами, покрытыми не шерстью — корой. Тёмно-серой, потрескавшейся, с зеленоватым налётом мха в углублениях. Голова — непропорционально маленькая, втянутая в плечи, без шеи. Глаза — жёлтые, с вертикальными зрачками, светящиеся в темноте тусклым болотным огнём.

Руки. Длинные, до колен. Пальцы — толстые, с когтями, похожими на обломанные корневидные. На правой — не хватало мизинца. Зажило давно, ещё до того, как тварь пришла сюда.

Из пасти — а пасть была широкой, почти во всю голову, с редкими жёлтыми клыками — вырвался не рык. Хрип. Мокрый, булькающий, смешанный с паром.

Тварь не спешила. Она смотрела на Матвея, и в её глазах не было страха. Только голод. Старый, выношенный, всепоглощающий.

«Ты уже убила здесь», — подумал Матвей, сжимая цепь. — «Но этого тебе мало. Ты всегда хочешь больше. Я знаю таких».

Он шагнул вперёд.

Цепь взвилась в воздухе.

Кинжалы запели свою смертную песню.

Тварь рванула первой.

Без рыка, без предупреждения — просто сорвалась с места, как сжатая пружина. Снег взметнулся из-под её широких лап, и огромное тело понеслось на Матвея с такой скоростью, какой не ждёшь от такой громадины.

Матвей не отступил.

Цепь взвилась в воздухе, кинжалы сверкнули в лунном свете. Он раскрутил её так, что лезвия слились в сплошное серебряное кольцо — и в нужный миг выпустил.

Первый кинжал вошёл твари в плечо. Второй — в бок. Третий, зазубренный, вонзился в бедро, зацепившись за мышцу.

Тварь даже не зарычала. Только дёрнулась, сбиваясь с бега.

Матвей скользнул мимо неё по снегу — низко, почти на корточках, используя инерцию своего же броска. Цепь натянулась, вырывая кинжалы из ран, и охотник потянул её к себе, готовясь к новой атаке.

Но тварь оказалась быстрее.

Огромная лапа метнулась вниз, схватила цепь посередине и дёрнула вверх. Матвей не успел отпустить — его оторвало от земли, как щепку. Воздух свистнул в ушах. Мир перевернулся.

И тяжёлый удар — спиной об землю, так, что из лёгких вышибло воздух.

Он покатился, поднимаясь, цепь всё ещё была зажата в руке. Тварь уже наступала.

«Сильнее, чем я думал», — мелькнуло в голове.

Матвей рванулся вперёд, раскручивая цепь над головой. Но теперь он не целился. Он крутил её так, что свист перешёл в вой — и в прыжке перехватил иначе, корпусом разворачивая оружие в спираль. Кинжалы закрутились быстрее, ту же, превращаясь в живой смерч.

Он выпустил цепь не в сторону твари — вверх.

Смерч из лезвий рухнул на тварь сверху. Первый кинжал вошёл в шею, второй — в ключицу, третий и четвёртый — в грудь. А шило на конце цепи, пробив кожу-кору, вошло в живот твари по самую рукоять.

Чёрная, густая кровь брызнула на снег.

Матвей уже был рядом.

Он не ждал, пока тварь упадёт — он взобрался на неё, цепляясь за торчащие из тела кинжалы, перехватывая цепь, перекидывая через плечо. Одно движение — и цепь обвила голову твари, кинжалы заскрежетали о её корявую кожу.

Тварь забилась.

Она не пыталась сбросить его. Она побежала.

Огромная, раненая, истекающая чёрной кровью, она рванула вперёд с дикой, панической силой. Матвей повис на её шее, зажав цепь в кулаках, — его тащило, мотало из стороны в сторону, но он не отпускаял.

Впереди был забор. Частокол из толстых, заострённых брёвен.

«Таран», — понял Матвей в последний миг. — «Она использует меня как таран».

Он не успел спрыгнуть.

Удар — тварь влетела в забор плечом, и Матвей, сидящий у неё на загривке, принял весь удар на себя. Брёвна разлетелись в щепки. Боль вспыхнула в рёбрах, в плечах, в позвоночнике. Он зарычал сквозь стиснутые зубы, но цепь не разжал.

Тварь выбежала за пределы гарнизона.

Лесная чаща приняла их обоих — огромное чудовище и человека, вцепившегося ему в загривок. Сучья хлестали по лицу, ветки рвали одежду, но Матвей не видел ничего, кроме тёмной, корявой шеи перед собой.

Тварь замедлилась. Кровь текла из ран, силы покидали её.

Матвей подтянулся выше, затягивая цепь туже.

— Куда собрался, леший? — прохрипел он, и в голосе его не было ни страха, ни злости. Только холодная, вымораживающая насмешка. — Никак, домой? Не дойдёшь.

Цепь дёрнулась.

Кинжалы вошли глубже.

И огромное тело рухнуло в снег, поднимая облако чёрной, липкой пыли.

Матвей вытащил кинжалы из туши с глухим, влажным хрустом.

Кровь — чёрная, густая, пахнущая болотом и старым мясом — брызнула из ран, заливая рукава. Он выпрямился, с трудом разгибая спину. Рёбра ныли. Плечо, которым он встретил забор, горело огнём.

Он встал к монстру спиной, отряхивая цепь.

И ощутил, как над ним возникла тень.

Не от дерева. Не от облака. Живая. Тяжёлая. Дышащая холодом в затылок.

— Ещё живой? — мысль не успела оформиться до конца.

Удар — одним движением, без замаха, без предупреждения — сбил его с ног. Матвей пролетел несколько метров, тормозя спиной по снегу, взрывая его лопатками. Позвоночник застонал, но не сломался. Он перекатился, вскакивая на одно колено.

Леший уже был рядом.

Один шаг — и огромная лапа обрушилась на то место, где только что была его голова. Снег разлетелся фонтаном, земля под ним промялась на ладонь глубиной.

— Раздавит, — понял Матвей.

Увернулся. Второй удар — мимо. Третий — скользнул по касательной, только задев плечо.

Он отпрыгнул, и в тот миг, когда сердце пропустило удар, Матвей скомандовал себе:

«Разгон. Первая ступень».

Кровь зациркулировала быстрее. Жар разлился по венам. Мир стал чётче — каждое движение твари, каждый срыв её мышц, каждый вдох.

«Вторая».

Сердце забилося как бешеное. Виски сдавило. В ушах зашумело.

Он перешёл в атаку.

Цепь взвилась — не в сторону твари, а в противоположную. Рывок. И в тот же миг шило на конце цепи, описав дугу, вонзилось лешему в бок — с другой стороны, откуда тот не ждал удара.

Свист — и цепь вернулась в руку. Матвей раскрутил её снова, ударил как плетью — лезвия рассекли корявую кожу на спине. Ещё удар — кинжалы впились в плечо. Ещё — шило полоснуло по рёбрам.

Он бил с разных сторон, меняя траекторию в воздухе, заставляя цепь петь свою смертную песню. Тварь металась, пытаясь поймать неуловимого охотника, но её лапы хватали только воздух.

Матвей ускорялся. Каждый удар был быстрее предыдущего. Каждое движение — точнее.

Цепь с воем обвила ствол старой сосны, натянулась — и в тот же миг шило, сорвавшись с противоположного конца, вонзилось лешему в висок.

Глухой, дробный хруст. И чваканье — влажное, тошнотворное.

Глаза твари — жёлтые, с вертикальными зрачками — начали тускнеть. Свет в них угасал как свеча на ветру.

Матвей не остановился.

Он всем корпусом развернулся, вкладывая в движение всю силу — разогнанную, помноженную на ярость и боль — и рванул цепь вверх.

Голова лешего отделилась от тела.

Вместе с ней — кусок хребта, вырванный из плоти с мясом, с треском ломающихся позвонков. Чёрная кровь хлынула из обрубка шеи, заливая снег. Тело твари ещё секунду стояло — и рухнуло, подняв тучу ледяной крошки.

Голова упала на снег и покатилась, оставляя тёмный след.

Матвей стоял, тяжело дыша. Цепь в его руке дымилась. Плечо горело. Рёбра ныли. Кровь — чужая, чёрная — текла по лицу, смешиваясь с потом.

Он смотрел на то, что осталось от лешего.

— Тьма во мне, — прошептал он.

Не потому, что чувствовал её. А потому, что знал — только тьма могла породить такое. И только тьма могла его остановить.

Но сегодня победила не тьма.

Он убрал цепь, перешагнул через тушу и пошёл назад в гарнизон.

Там ждали живые. Те, кого тварь ещё не нашла.

Или те, кто был жив, когда он пришёл.

Он не знал. И не хотел знать.

Глава 4

ГЛАВА 4. КТО ТЫ ТАКОЙ?

Матвей вышел из леса, и холод ударил в лицо с новой силой.

Туша лешего осталась далеко за спиной, но запах крови — чёрной, болотной — всё ещё стоял в ноздрах. Доспех, залитый ею, застывал на морозе, стягивая кожу.

Плечо ныло. Рёбра отзывались глухой болью на каждый вдох.

Но он шёл ровно, не хромя, не замедляясь. В гарнизоне могли быть живые. Он должен был проверить.

Двор гарнизона встретил его мёртвой тишиной. Она давила сильнее, чем любой крик.

Матвей уже хотел свернуть к казарме, как вдруг замер.

С неба начали падать редкие, крупные снежинки.

— Снег пошёл? — вырвалось у него.

Среди разбитых бочек, опрокинутых телег и чёрных пятен крови стояла фигура.

Огромная. Выше любого человека, которого он видел.

Плечи — шириной с телегу. Белая шерсть колыхалась на ветру — длинная, густая, с седыми прядями на загривке.

— Да ты прав, — пророкотал низкий, раскатистый голос. — Снега не было. Я с гор его принёс.

Матвей мгновенно сконцентрировался.

Пальцы сами нащупали звено цепи, лезвия тихо звякнули, готовые сорваться.

Взгляд — холодный, цепкий — скользнул по фигуре: рост, дистанция, оружие, уязвимые места.

Медведь развернулся.

Не спеша. Не угрожающе. Просто повернулся, заноса на плечо огромную секиру.

Лезвие тускло блеснуло в лунном свете, покрытое рунами, которые, казалось, жили своей жизнью.

— Моё имя Сиволапый. Я — древний страж на границе миров.

Матвей фыркнул.

Ему было не по плечу разговаривать с нелюдьми, но он не умел по-другому.

— Это мы ещё посмотрим! — бросил он.

Цепь сорвалась с руки.

Первый удар — быстрый, режущий, целящий в шею.

Сиволапый даже не взглянул. Просто повернул корпус — плавно, будто танцевал, — и лезвия просвистели в ладони от его головы.

— О как? — вырвалось у Матвея.

— Убери железку, мальчишка, — сказал Сиволапый без тени угрозы. — А то поранишься.

Матвей уже не слушал.

Ярость поднялась из груди. Он сблизился, цепь вращалась вокруг него, готовая ударить с любой стороны.

Сиволапый не двинулся с места. Просто выставил древко секиры.

Матвей запнулся — нога врезалась в дерево, тело потеряло равновесие, и он проскользил по снегу, разбрасывая ледяную крошку.

Цепь вылетела из рук, но он поймал её на лету, раскинул кинжалы в стороны и, как сжатая пружина, влетел в Сиволапого.

В его кулаке находилось шило — острый наконечник цепи, заточенный так, что рассекал даже старую броню.

Время будто зависло.

Снежинка — огромная, редкая — медленно падала прямо на лезвие.

Шило делило её на две идеальные половины.

Сиволапый смотрел на эту снежинку.

На его медвежьей морде мелькнуло не страх — любопытство.

Секира взметнулась, отбивая шило в сторону. Древко — толстое, окованное сталью — ударило Матвея в живот.

Мир лопнул.

Его отбросило назад. Он приземлился на четвереньки, кашлянул, и из горла выплюнул тёмную, вязкую кровь.

— Кто ты такой? — спросил он, поднимая голову. — Волкодлак? Берендей? На волхва ты не сильно похож! — язвительно произнёс он.

Сиволапый медленно опустил секиру, втыкая её в снег.

— Я уже сказал. Сиволапый. Страж границы.

Он наклонился к Матвею. Из пасти пахло сосной и старым мёдом.

— А вот ты, мальчик ты, человек с редким даром! Ходишь тут, размахиваешь им попусту. Я вижу в тебе то, что другие не в силах увидеть.

Сиволапый выпрямился.

— Когда-то я тоже был человеком. Но тьма, которой я противостою, слишком велика для человеческого лица. Была там одна умелица скрестила меня с медведем древней магией — в насмешку богам. Вот теперь хожу, мёд попиваю. Да род людской оберегаю.

Он покачал головой.

— Тебе ещё повезло. Я часть людей отсюда вывел.

Тут до лешего другие были. Резали, кололи, вспарывали. Как будто в такой же броне, как у тебя.

Я вывел тех, кого смог спасти.

— Я думал, такие как ты живут в берлогах да лесах густых, — язвительно бросил Матвей, показывая, что не выносит подобных созданий.

Сиволапый уже шёл вперёд, не оглядываясь, ломая лапами покорёженные створки ворот.

— И цепь убери, — бросил через плечо. — Со мной не пригодится.

Матвей медленно скрутил кинжалы, убирая оружие на пояс, и пошёл следом.

Снег под ногами хрустел — настоящий, горный, пахнущий сосной и холодом.

— Куда ты их вывел? — спросил Матвей. — И как знал об опасности?

— По медвежьим тропам. В город Тормир. Что раскинулся возле гор.

Сиволапый помолчал, и в его голосе проступила тихая, давняя боль.

— Город, в котором я жил до того, как стал стражем.

— Жил давно, — невесело усмехнулся Матвей. — Ещё до того, как бабка-ведунья решила, что миру нужен полумедведь на границе миров.

Он остановился, поднял с земли комок снега, сжал в лапе.

Снег не таял. Будто боялся.

— Тормир — место древнее. Там руда светится. Руда, что заряжается аганитом.

Из неё выкованы ваши клинки. Те самые, что режут навь.

Матвей машинально коснулся пояса, где висела цепь.

— Я думал, это легенды.

— Легенды — это то, во что перестают верить, — сказал Сиволапый. — А я видел эту руду своими глазами.

Тормир стоит на сплаве кристаллизаций Оберегов, Матвей. Потому тьма, что ширится, придёт сюда первым делом.

Он развернулся и посмотрел прямо на Матвея.

В его маленьких, умных глазах не было насмешки.

— Ты хочешь отмщения. Я понимаю. Но отмщение без знания — это просто убийство. А знание — в Тормире. В рунах на стенах. В камнях, которые помнят голоса мёртвых.

Он протянул лапу. Огромную, с когтями, похожими на обломки скал.

— Придешь — покажу. Если, конечно, твоя ярость не сожрёт тебя раньше.

Матвей смотрел на эту лапу, на медведя, который когда-то был человеком, на снег, который шёл там, где его не должно было быть.

И не знал, что ответить.

Сиволапый сомкнул лапу.

Из-под когтей, между грубыми, потрескавшимися пластинами, вспыхнул маленький цветочек, сотканный из энергии севера.

Он светился ровно, как далёкая звезда в морозную ночь, и от каждого дуновения ветра звенел — тонко, едва слышно.

Матвей не хотел брать его.

Что-то внутри противилось — принимать дары от нелюдя, от того, кто говорил загадками и смотрел слишком глубоко.

Но рука протянулась сама.

Взяла.

Лёгкий. Холодный. Живой — бился в ладони, как сердце пойманной птицы.

— Что это?

— Жест доброй воли. Мой маленький дар, — сказал Сиволапый. — Не впадай в ярость, Матвей. Она сжигает изнутри. Я знаю.

Медведь разжал когти и шагнул назад.

— Иди ты со своими поучениями, на хер — начал Матвей, но не договорил.

Мир вокруг дёрнулся, поплыл.

Холод обжёг лицо. Снег взметнулся вихрем, и сквозь белую пелену он успел увидеть, как Сиволапый растворяется в сумерках.

А потом — тишина.

Матвей моргнул.

Вокруг — знакомые стены тренировочного лагеря. Факелы, тепло костров, голоса охотников, спорящих о чём-то своём, обычном, человеческом.

Он разжал ладонь.

Цветок исчез.

На его руке — на пальцах, на запястье, на сгибе локтя — остался тонкий, мерцающий слой инея.

Он не таял. Он дышал — холодом, древностью, обещанием.

Матвей потёр пальцы.

Иней не сходил.

Будто медведь пометил его. Своим. Навсегда.

Он спрятал руку под плащ, сжал челюсти.

«Резали, кололи, вспарывали в такой же броне, как у меня?» — мысль ударила под дых и застряла там, ледяным комом.

Он не знал, верить ли медведю. Но тот не врал. Слишком просто и больно звучали его слова.

Матвей не нашёл, что ответить.

Только сжал челюсти сильнее и шагнул в сторону костров, где горел огонь, спорили люди и пахло не кровью — дымом и живым теплом.

Высоко на вершине скал, где снег не таял даже в полдень, а ветер выл как раненый зверь, тень смотрела вниз.

Она не имела формы. Не имела лица. Она была сгустком тьмы, более чёрной, чем ночь вокруг.

Она следила за старым стражем, который медленно брел по заснеженному склону, подальше от разрушенного гарнизона.

— Ты, — прошептала тень. Голос её был тихим, но каждое слово вгрызалось в скалы, оставляя на камне тонкие, чёрные трещины.

Пауза.

— Много раз ты срывал мои планы.

Ещё одна пауза. Тень сжалась, будто в усмешке.

— Но того, кого ты пытаешься защитить — голос стал тише, почти ласковым, отчего сделался ещё страшнее, — уже попался в мои сети.

Тень начала таять, растворяясь в черноте между скал.

Глава 5

ГЛАВА 5. УЗЫ

Матвея вызвали на совет на рассвете.

Он не спал. Иней на руке мерцал в темноте, не давая сомкнуть глаз. Цветок исчез, но холод остался — вьелся под кожу, засел в костях. В пещере пахло сыростью, старым дымом и чем-то кислым — потом и страхом, который не выветривается даже после многих битв.

— Отвечай по-совести, — старейшина сидел во главе длинного стола. Его лицо скрывала тень от капюшона, пальцы, униженные старыми шрамами, барабанили по дереву. За окном выл ветер, и Матвей слышал, как потрескивают угли в жаровнях.

Он выпрямился.

— Леший уничтожен. Часть гарнизона жива. Они в городе Тормире.

— Часть, — голос старейшины стал тише, опаснее. — Сколько?

— Две трети.

— Две трети, — повторил он, будто пробуя слова на вкус. — Ты считаешь это успехом, Матвей?

Матвей молчал. Потому что ответ «я спас тех, кого мог» застрял в горле. Старейшина не хотел слышать правду. Он хотел цифр. Идеальных. Невозможных.

Матвей поднял голову. Взгляд его стал холоднее.

— Не все враги приходят с когтями, — сказал он тихо, почти вкрадчиво. — Некоторые приходят в доспехах и с чистыми руками.

Он не отвел глаз. В его голосе сквозила едва скрытая усмешка — та, которой он редко позволял себе пользоваться перед старшими.

Старейшина замер на мгновение. Пальцы перестали барабанить по столу.

— Ты на что намекаешь, охотник? — голос его стал тише и опаснее.

— Ни на что, — Матвей пожал плечами, но усмешка не сошла с его лица. — Просто констатирую. В гарнизоне не было следов ни одной твари. Только люди. Свои.

В горле пересохло. Слова давались тяжело, но он их не проглотил.

Старейшина долго смотрел на него — так, что Матвей услышал, как потрескивают угли в жаровне. Запах дыма и старой кожи ударил сильнее.

— Ты на грани, охотник, — наконец произнёс тот.

Матвей не ответил.

И в тот миг он услышал.

Не голос старейшины. Не скрип половиц.

Шёпот.

Тонкий, едкий, как запах гари после боя. Он вился у самого уха, скользил по затылку холодным пальцем. Матвей не разобрал слов — только интонацию. Сладкую. Ядовитую. Обещающую что-то, чего он не хотел.

Мир дёрнулся.

Крик.

Снаружи — короткий, захлёбывающийся. Не боевой. Предсмертный.

Люди забегали. Кто-то схватился за оружие, кто-то побежал к выходу. Матвей рванул первым, отшвырнув скамью. Запах страха ударил в ноздри — кислый, липкий, невыносимый.

Тело лежало у конюшни.

Свой. Охотник. Имя вылетело из головы — Матвей видел его всего раз, на тренировке. Молодой. Быстрый. Горячий.

Теперь — мёртвый.

Грудная клетка вмята внутрь, как от удара бревном. Бой был коротким — ни одного следа борьбы. Трава вокруг примята, но не вырвана.

«*Не ожидал удара*», — понял Матвей. — «*Доверял тому, кто убил*».

— Следы есть? — спросил подошедший сотник. От него пахло конским потом, железом и тревогой.

Матвей покачал головой. Кровь на траве. Вмятина в земле. Больше ничего. Ни когтей, ни чешуи, ни гнилой слизи.

— Человек, — сказал он. — Или тот, кто был человеком, — добавил сотник.

Ветер подул с севера. Холодный. Колючий.

— Бросай, — голос сотника отрезал мысли. — Этим займутся воины посильнее тебя. У тебя другие дела.

Матвей поднял голову.

— Какие?

— Тормир. Проследи, чтобы выжившие добрались. И узнай, почему город до сих пор не ответил на наши вестonosцы.

Матвей хотел возразить. Сказать, что убийца среди них. Что нельзя уходить, пока

— Это приказ, — сотник развернулся. — Не здесь и не сейчас, — бросил он и ушёл в темноту, не оглядываясь.

Матвей остался стоять над убитым.

Иней на руке горел холодом.

«*Неладное здесь*», — подумал он. — «*И оно не снаружи пришло. Оно уже внутри*».

Он посмотрел на лагерь. На знакомые лица, которые вдруг стали чужими. На каждого, кто мог оказаться тем, кого шёпот называл своим.

И пошёл собираться в дорогу — нехотя, словно каждое движение давалось через силу. Пальцы не слушались, сжимая пряжки. Внутри всё кипело, но он заставлял себя двигаться, потому что другого выхода не было.

Матвей уже затягивал последнюю пряжку на поясе, когда тяжёлая ладонь легла ему на плечо.

Сотник.

Старый, шрамовый, с глазами, которые видели больше, чем могли выговорить губы.

Он молчал долго — так, что Матвей услышал, как догорают угли в ближайшем костре.

— Держи.

В ладонь лег мятый, тёплый пергамент. Пальцы сотника пахли дымом и старой кожей.

— Когда будешь возле Тормира прочтёшь.

Матвей хотел спросить «почему не сейчас», но сотник уже развернулся и ушёл в темноту, не оглядываясь.

Остались только пергамент и холодная, тягучая тревога.

Два дня пути.

Матвей почти не отдыхал. Спал урывками — прислонившись к дереву, сжимая цепь в руке. Иней на коже не таял. Иней на коже горел — не больно, а настойчиво, будто вёл его за собой.

К ночи первого дня поднялась метель. Снег летел не хлопьями — колючей, злой крупой, хлестал по лицу, лез за шиворот. Матвей сбился с тропы дважды, брёл почти на ощупь, выставив перед собой руку с мерцающим инеем, как факел. Ветер выл так, что, казалось, сама земля стонала.

Он нашёл укрытие под нависшей скалой — узкую расщелину, где снег не доставал. С трудом развёл костёр: руки дрожали от холода, трут никак не хотел разгораться. Когда наконец вспыхнули первые сухие ветки, Матвей привалился к камню и долго смотрел на огонь, не в силах ни о чём думать. Только тепло и свет.

Он грел руки, сжимая заледеневшие пальцы, слушал, как шипят дрова, и чувствовал, как боль понемногу отпускает. Где-то далеко, за стеной снега, выли волки. Или не волки. Матвей не проверял. Он просто сидел и дышал.

На рассвете метель стихла, но небо оставалось тяжёлым, свинцовым. Снег скрипел под ногами, и этот звук казался единственным живым в мёртвом лесу. Матвей шёл, не останавливаясь, не позволяя себе замёрзнуть. Когда пальцы немели, он растирал их, сжимал и разжимал кулаки, пока боль не возвращалась. Когда начинало клонить в сон, он заставлял себя идти быстрее, цепляя пряжками доспеха замёрзшие ветки.

К вечеру второго дня он выбрался к подножию холма. Внизу, в дымке, угадывались огни — не костры, а ровное, зеленоватое свечение, похожее на северное сияние, прибитое к земле.

Город Тормир открылся с вершины холма.

Древние стены. Светящиеся прожилки в скалах — руда, та самая, что заряжается аганитом. Город переливающегося огня.

Матвей остановился на краю обрыва. Иней на руке больше не светился.

Он достал пергамент. Развернул.

Буквы прыгали перед глазами — не от усталости. От древнего, почти забытого начертания.

На пергаменте:

Матвѣе. Въ рядѣхъ ордена ползѣтъ жгѣтѣя тѣни. Виждѣ а. Чѣствѣ а. Метка на рѣцѣ твоѣи — не чждо. Азъ просилъ есмь стараго стража о защитѣ твоѣи. И нынѣ вѣмѣ: единая вѣра въ лучшѣе — то еси ты.

Перевод:

«Матвей. В рядах ордена ползут жгучие тени. Я вижу их. Я чувствую их. Метка на руке твоей — не случайность. Я просил старого стража о защите твоей. И теперь знаю: единственная вера в лучшее — это ты.»

Матвей перечитал дважды. Трижды.

Пергамент дрожал в пальцах. Ветер выл в ущелье, срывая снег с вершин.

«Вера в лучшее — это ты.»

Он спрятал письмо за пазуху.

И пошёл вниз, к воротам Тормира.

Цепь на поясе тихо позвякивала.

По дороге он пытался собрать обрывки.

Сотник. Старейшина. Шёпот. Тело охотника, которого убили своим же оружием — без борьбы, без защиты. Словно он верил убийце. А потом — этот полумедведь, Сиволапый. Страж границы. Он говорил загадками, но не врал. Слишком просто и больно звучали его слова.

Матвей чувствовал — всё это связано. Иней на руке. Убийство. Тени, о которых писал старейшина.

Он не понимал всего. Но одно знал точно: тот, кто был человеком, а теперь стал полумедведем — тот, кто смотрел на него ледяными глазами и называл себя стражем, — тот должен знать.

Матвей ускорил шаг. Вопросы жгли изнутри сильнее, чем холод.

За его спиной, в тени скал, что-то шевельнулось. То ли ветер. То ли взгляд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.